

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Галина Елисеева

Русские арабески

Стихи

**Русское эхо
2015**

Елисеева Г.А.

Е 51 Русские арабески: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2015. — 96 с.

ISBN 978-5-904319-7-1

«Русские арабески» — четвёртая книга поэтессы из Сызрани, лауреата Межрегионального поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н.А.Некрасова, дипломанта Международной национальной премии «Золотое перо Руси» и Международного творческого конкурса «Рождественская звезда», бронзового призёра конкурса детских стихов «Десятая планета». Предыдущие три книги — «Перекрёсток сияющих глаз», «Ожидание чуда», «Время сгущает сознание» — выходили в разные годы в Самаре. Кроме того её стихи печатались в региональных и столичных изданиях.

Четвёртую книгу Галины Елисеевой составили новые, а также ранее публиковавшиеся стихотворения.

Не сдаваться «изнанке» повседневности

Гармоничное соотношение любви к большой и малой родине — вот на что обращаешь внимание едва ли не в первую очередь, знакомясь с творчеством поэтессы из Сызрани Галины Елисеевой. Живущая в небольшом волжском городе Сызрани, эта поэтесса — настоящая дочь своего города, не скрывающая своей любви к малой родине. Но при этом осознающая, что Сызрань не просто малая капля великой России, а питающий город речки Крымза и Сыза (Сызранка) — часть великой Волги, но и понимающая особую культурно-историческую миссию родной Сызрани — единственного в Самарской области кремлёвского города. За что читатель вправе быть благодарным автору этой книги, ненавязчиво и талантливо напомнившего нам об этом, казалось бы, известном, но как-то в суете сует забываемом факте истории Самарского края. Одно из самых ярких стихотворений этой книги посвящено, словно живому человеку, Спасской башне Сызранского кремля — единственной сохранившейся-выжившей в череде столетий-лихолетий.

«Башня воротная — белая птица, // Крылья сложившая, в небо стремится. // В прошлом сестёр тебе не отыскать — // Сызранских башен — а было вас пять. // Словно пять пальцев на сильной руке, // Русь заслонивших на волжской Луке, // В сердце засечной охранной черты, // Как богатыриши, держали щиты. // Жизнь утверждая для нив и для пашен, // Насмерть бессменно стояли на страже. // Спасская башня на горке Кремлёвской... // Князь-воевода Григорий Козловский // Ей повелел в междуречье стоять // И сторожить неприятеля рать. // В годы военные, в годы невзгод // К Спасу всегда обращался народ. // Купол шатровый в сиянье креста. // Спасская башня во имя Христа. // Башенной звонницы голос певучий // Благостно льётся над Волгой могучей. // А под землёю таинственный ход, // К монастырю, по легенде, ведёт. // Спасская башня, ты Сызрани мать! // С городом вместе тебе вековать. // Спасская башня, красавица наша. // Твой сарафан белым камнем украшен. // С Волги, как парус плывущий, видна. // Радуй потомков во все времена».

Конечно, кремли на Руси испокон веков строились вовсе не красоты ради, а защиты для. С «кремлёвской» сызранской

темой в этой книге гармонично перекликается тема защиты Родины и значимости в этой защите малого города как одного из форпостов своей эпохи и своей страны.

«Ворог снова сжигает деревни. // Русь терзает огнём и мечом... // ...Мы порубим-повалим деревья // К полю дикому — звень-остриём. // Земляными крутыми валами // Отсекаем проход к городам. // На Суре, на Сызране, на Каме — // Быть на Волге засечным чертам. // Пусть вертается враг восвояси, // Русской кровушки всласть не испив. // Пусть отступят и ханы, и князи, // О наживе разбойной забыв...»

«Звень-остриё» (настоящая художественная находка автора книги!) во многом и выковало менталитет самарского народа... Впрочем Галина Елисеева достаточно разноплановый автор, патриотической темой свою жанровую палитру не ограничивающий. В этой книге читатель найдёт стихи не только патриотического и гражданского направления, но и пейзажную лирику, любовную лирику, духовные стихи... Последние нельзя назвать доминирующими в творчестве поэтессы. Но их — опять-таки! — ярко выраженная личностная окрашенность выгодно выделяет эти стихи из весьма частых сегодня рифмованных примеров так называемой «приходской лирики».

«Иконы. Русские иконы. // Во храмах на Святой Руси // Вы принимали боль и стоны // И прибавляли свежих сил. // Сжигались в годы лихолетья, // Но люди вас тогда спасли, // Иконы милые, ответьте: // — Как вы всё выдержать смогли? // Пусть потемнела позолота, // Рассохся старенький оклад. // Но в монастырь вернул вас кто-то, // И всё теперь пойдёт на лад. // Сейчас духовные святыни // Читит православный наш народ // И храмы вновь возводит ныне, // Греша и каясь в свой черёд».

Как в капле отражаются реки и моря, так и в жизни небольшого города Сызрань отражается жизнь огромной страны. Галина Елисеева умеет это не только ощутить, но и донести до читателей чувство сопричастности малого великому. Не зависимости, а именно — сопричастности! Ощущение малой родины, лишённое «самости», корневое ощущение родства присуще лучшим стихам поэтессы, как патриотическим, так и пейзажно-лирическим. А пейзаж, в т.ч. городской, в творчестве автора этой книги с полным на то основанием можно назвать одним из главных персонажей. Потому что стихи Галины

Елисейевой отнюдь не перенаселены людьми, что было бы весьма объяснимо для поэта, жителя города. В стихах Елисейевой преобладают явления природы: ветра, реки, море, дождь, гроза... И то созерцание, которое во многом утратила современная поэзия, создаваемая жителями городов. Художественное осмысление «тайны древесных дум», о которой писали наши великие предшественники-поэты, тоже обращает на себя внимание. В этой книге практически все деревья и растения обладают поистине человеческими судьбами — трагическими и прекрасными, а иногда и теми, и другими одновременно, будь то тюльпаны в руках ветеранов войны, заневестившаяся акация или похожие на принцесс лилии... Именник (именно — именник!) этих персонажей можно длить довольно долго. И у каждого персонажа растительного мира — своя судьба, своя повадка, тем, как говорится, и интересны они не менее иных людей. И несуетны в отличие от многих «двуногих»! Раскроешь такую книгу в шуме и чаду городском и невольно поблагодаришь автора, что нет в его стихах ни шумливости, ни суетности. И словно возвратишься в детство, в эпоху доверия, когда ты ещё божественно наивен и распахнут настежь миру.

*«Керосинная лавка на спуске, // Устремлённом на
берег реки. // Рядом ходят скандальные гуси, // Ущипнуть
норовят — прочь беги! // Утопают проулки в сирени, // В ноги
стелется яблони цвет. // Я сижу на крылечке. Ступени //
Высоки. Мне всего-то пять лет. // Тополиные серьги
примерив, // Бархатистые, цвета зари, // На асфальте
рисую я мелом // Солнце, звёзды, цветы и шары. // Вот с
сестрою делю я баранку // И конфеты не прячу в карман. //
Я не знаю про жизни изнанку. // Я ещё не встречала обман. //
Словно мячик, прыгучее счастье // Укатилось. И только во
сне // Удаётся в него возвращаться. // Там все живы. И волосы
мне // Заплетают заботливо мама // В яркий радостный день
Первояма».*

Вещи, как и представители «древесного мира», в стихах Елисейевой тоже обладают своими судьбами и характерами. Фактически они очеловечены автором, что, собственно, и является главным критерием творчества как такового. Ибо что сделал Изначальный Творец? Взял мёртвую глину и ВДОХНУЛ в неё душу, и глина стала человеком. Этот акт ВДОХНОВЕНИЯ чрезвычайно важен и показателен, я бы даже сказала —

симптоматичен, в творчестве любого автора. Способен автор силой своего вдохновения оживить «мёртвую» материю или напротив — омертвляет живое? Галина Елисеева такой способностью обладает.

«Лебедем выгнулась спинка у стула, // Выпятил брюхо комод. // А самовар с родословной из Тулы, // Греясь, мурлычет, как кот. // Вот на коврах разливаются зори. // Важности полон сундук. // Он из морёного дуба, с узором, // С поясом медным вокруг...»

Стихи Галины Елисеевой, несомненно, женские стихи. Что ничуть не умаляет их художественных достоинств. Повторю мысль, высказанную когда-то выдающимся современным литературным критиком Вячеславом Лютым о том, что сегодня состояние именно женской поэзии является наиболее показательным — тестовым! — для поэзии вообще. Ибо женщина — хранительница устоев и традиций, что так важно в эпоху слома и традиций, и устоев. В наше время тотального женского нигилизма в формате «ля-фамм-эмансипе» редко встретишь у поэтесс, даже далёких от феминизма, спокойного признания исконного первенства мужчины в порядке мироздания. А ведь Бог всё-таки, не будем забывать, мужского рода-племени! Героиня стихов Галины Елисеевой, к её чести, признавая мужской приоритет, ничуть не впадает в самоуничижение. Строя пьедестал современному мужчине, она не закрывает глаза на недостатки, неизбежные для современного человека и человека вообще. Она обладает «женским мужеством» принять человека реальным, при этом давая ему шанс стать лучше. Потому хочется поблагодарить автора этой книги за воплощённую с художественной убедительностью веру в мужчин, каковая исконно отличала творчество наших лучших поэтесс от Каролины Павловой-Яниш до Марины Цветаевой, но в последнее время изрядно утрачена под напором феминизма и эмансипации... Но главным достоинством этой книги является умение автора не сдаваться «изнанке» повседневности и уметь видеть линию горизонта, линию схождения неба с землёй, современного с вечным, трагического с великим.

Диана Кан,
член Союза писателей России

* * *

В словах есть горечь от потерь,
Есть счастья крохи.
Порой в них воет дикий зверь —
Тотем эпохи.

Порой в них дремлет тишина,
Что в час рассветный
Такого таинства полна,
Как в миг предсмертный.

В них рокот волн, прибоя гул
И свежесть ветра.
В них оживают скиф и гунн,
Рыдает Федра*.

Вновь зреет в них познания плод,
Безумства всплески.
Они — пейзаж и натюрморт,
И арабески.

* Федра — жена афинского царя Тесея, из-за любви к пасынку покончившая жизнь самоубийством.

АРАБЕСКИ

Арабески, арабески!
Вы загадочные фрески.
Арабески на холсте.
Арабески на листе.
Кружевные на лепнине
На обыкновенной глине.
Плод искусства гончаров,
Плод фантазий мастеров.

В изумрудно-синем блеске
Замирает в арабеске
Гордый царственный павлин,
Словно важный господин.
Арабески — линий плавность,
Высь и грешная реальность.
Листьев пламенная вязь
Утекает ввысь, ветвясь.

Арабески на фасадах,
Златокованных оградах
У дворцов земных владык
И на переплётах книг.
Вы поэзия и проза,
Соловей, влюблённый в розу.
И восточные цветы,
И небесные мечты.

Сквозь века пройти сумели,
Восхищали Рафаэля,
Гёте, Канта и вельмож.
В позолоте царских лож
Арабески, арабески.
Вы безумные гротески.
Отголоски страстных снов,
Где коварство и любовь.

ВОЛЬНИЦА

Волюшка вольная, Волга...
Вольница помнится долго.
Знают об этом Валы,
Камни угрюмой скалы.

Волоком струги тащили
С волжской стремнины и шири
К руслу неспешной Усы
Те, кто наги и босы.

Лентою реченька вьётся...
Эхо в веках отзовется.
Ветер доносит: «Сарынь...»
Стелется низко польнь.

Коршун пронзил облака,
Словно стрела казака.

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

Ворог снова сжигает деревни.
Русь терзает огнём и мечом...
...Мы порубим-повалим деревья
К полю дикому — звень-остриём.

Земляными крутыми валами
Отсекаем проход к городам.
На Суре, на Сызране, на Каме —
Быть на Волге засечным чертам.

Пусть вертается враг восвояси,
Русской кровушки всласть не испив.
Пусть отступят и ханы, и князи,
О наживе разбойной забыв.

Наши пращурьы верили свято
В силу тайную древней черты:
Не пройдут чрез неё супостаты
Из калмыцких степей, из Орды.

Годы — словно вода в половодье...
Откатились границы на юг,
Память предков не гаснет в народе,
И засечной черты полукруг

Проступает в бору на опушке
Да на волжском степном берегу.
Но годны ещё к выстрелам пушки,
Что пройти не давали врагу.

СПАССКАЯ БАШНЯ СЫЗРАНСКОГО КРЕМЛЯ

*Да стоят по родине кремли,
Утишая яростную новь —
Белые, как русские тела,
Красные, как пролитая кровь.*

В. Костров

Башня воротная — белая птица,
Крылья сложившая, в небо стремится.

В прошлом сестёр тебе не отыскать —
Сызранских башен — а было вас пять.

Словно пять пальцев на сильной руке,
Русь заслонивших на волжской Луке,

В сердце засечной охранной черты,
Как богатырши, держали щиты.

Жизнь утверждая для нив и для пашен,
Насмерть бессменно стояли на страже.

Спасская башня на горке Кремлёвской...
Князь-воевода Григорий Козловский

Ей повелел в междуречье стоять
И сторожить неприятеля рать.

В годы военные, в годы невзгод
К Спасу всегда обращался народ.

Купол шатровый в сиянье креста.
Спасская башня во имя Христа.

Башенной звонницы голос певучий
Благостно льётся над Волгой могучей.

А под землёю таинственный ход,
К монастырю, по легенде, ведёт.

Спасская башня, ты Сызрани мать!
С городом вместе тебе вековать.

Спасская башня, красавица наша.
Твой сарафан белым камнем украшен.

С Волги, как парус плывущий, видна.
Радуй потомков во все времена.

МОЙ ГОРОД

1

Водный путь и бездорожья вёрсты...
Вот на карте точки-узелки:
Крепкие надёжные форпосты
Выросли на берегу реки,

В сеть сплетаясь в южном пограничье.
И не раз, попав в неё, враги
Храбрость здесь теряли и величье,
И бросали пушки да клинки.

Младший брат Симбирска и Самары —
Город Сызрань — с виду небольшой.
Он старинный, но совсем не старый:
330 — возраст молодой.

Город мой, купеческий, мещанский,
Окаймлён рабочей слободой,
С кафедральным храмом в честь
Казанской...
С непростой, но звёздной судьбой.

2

Здесь отец мой когда-то мальчишкой
Над рекою гонял голубей.
Здесь я в детстве склонялась над книжкой,
Обретала надёжных друзей.

Из семейных узнала преданий
О святынях приволжской земли,
За которые на поле брани
Воевать мои пращеры шли.

Помню рынок, что рядом с вокзалом...
Я за мамину юбку держусь.
Здесь в киоск ребяшня налетала
За смешными свистульками. Грусть

Навевает ушедшее детство:
Прежних улиц и воложек нет!
Порастрачено наше наследство
В дымке суетных прожитых лет.

Тише голос деревьев зелёных,
Громче шум от лихих автострад.
В закоулках резные балконы
Возвращают на сто лет назад.

Время варваров алчных настало.
Сердце города взяв на прицел,
По живому разрезав кварталы,
Создают феодальный удел.

Несмотря на невзгоды, потери,
Устремлённый к завидной судьбе,
Город Сызрань, ты выстоишь, верю.
И окрепнешь в неравной борьбе.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ИСТОЧНИК

Дорога убегает от шоссе.
Свернули вправо, устремились в гору.
И вот предстал во всей своей красе
Святой источник — страждущих опора.

Как холодна глубинная вода,
Что призывает нас перекреститься!
И сразу же в купель шагнуть — туда,
Где ждёт меня в объятия водица.

Она веками под землёй текла
Зимой и летом, и в жару, и в холод.
Кто знает, скольким людям помогла?
Стремятся к ней кто болен, стар и молод.

Святой источник. Он не для утех.
Целебны эти жгучие объятия.
— Спаси и сохрани! — взлетают вверх
Слова, начертанные на распяты.

НА ПОСЕЩЕНИЕ ВЫСТАВКИ ИКОН СВЯТО-ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Иконы. Русские иконы.
Во храмах на Святой Руси
Вы принимали боль и стоны
И прибавляли свежих сил.

Сжигались в годы лихолетья,
Но люди вас тогда спасли,
Иконы милые, ответьте:
— Как вы всё выдержать смогли?

Пусть потемнела позолота,
Рассохся старенький оклад.
Но в монастырь вернул вас кто-то,
И всё теперь пойдёт на лад.

Сейчас духовные святыни
Чтит православный наш народ
И храмы вновь возводит ныне,
Греша и каясь в свой черёд.

УМЯГЧЕНИЕ СЕРДЕЦ*

Былое растоптала,
Была ли я права?
Тугим узлом связала
Жестокие слова.

Стою, смотрю устало,
Печали не тая.
Слезами свечи тают,
Горя у алтаря.

Слезинки капель алых
Под острою стрелой...
Я часто уповала
На милости Святой!

Теплом её согрета
Шальная жизнь моя.
Благодарю за это
Спасительницу я.

Былое не забыла.
Права иль не права?
О многом я молила.
Услышаны слова.

*Икона «Семистрельная», или «Умягчение злых сердец», изображает Богородицу, пронзённую семью стрелами.

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

Откровение сказки,
ожидание чуда
Под рождественский вечер
Захлестнут безрассудно.
Загадаю желанье,
и привидится сон:
В нём ты снова со мною
и, как прежде, влюблён,
Голубые просторы
и сиянье звезды...
Сон мой сбудется скоро,
а пока подожди!
Подожди! Не кончайся,
Упоительный миг!
Миг надежды на счастье,
Словно лебедя крик
Улетающей стае
быстротечных годов.
Знать, другою не стану
и удел мой таков —
Теплить тихие свечи
В ожиданье мечты
В свой рождественский вечер
до последней черты!

БОГОЯВЛЕНИЕ

В днях тягучих январских распятая,
Белоснежная стынь. Тишина.
Слышно лишь: кто-то чистит лопатой
Снег вчерашний. Небес глубина
Прояснилась. Клубятся в ней голуби,
Солнце блещет. Крепчает мороз.
В хлад крещенский народец у проруби
Искупаться намерен всерьёз.
Возвращение русской традиции.
В чисто-белых одеждах Христос
К нам пришёл со святою водицею,
Исцеление верой принёс.

ПЕРВОЕ ФЕВРАЛЯ

Здравствуй, февраль! Часть зимы отыграли,
Чтобы тобою дышать,
Слушать замёрзшие снежные дали,
Тихо о звёздах мечтать
Под заунывные посвисты ветра.
А развиднеется лишь —
Вместе с тобой проходить километры
В поле под скрип лёгких лыж.
Чем удивишь? Что ты мне приготовил?
Верю, что добр ты ко мне.
Знаю, что вьюга всегда наготове,
Но я довольна вполне
Сменой погоды: то зноем, то стужей.
Как из парной — прямо в снег.
От перепадов погоды не тужит
Русский шальной человек.
И, несмотря на кривые дороги,
Лютую стынь и метель,
Встретишь, февраль, вновь весну на пороге.
Под озорную капель.

* * *

Северный ветер подул с новой силой,
Холод нагнал и пронзает насквозь.
Вот и Зима. Дождались. Прикатила.
С нею — и братец трескучий мороз.
Этой зиме что границы, что годы.
Ей не страшны ни тюрьма, ни сума.
Шла к нам намеренно, не мимоходом.
В окна глядится и студит дома.
Хочется спрятаться в тёплое место,
В плед завернувшись, поближе к огню.
Словно кораблик, любимое кресло
Вдаль унесёт, в неземную страну.
Там голубые воздушные замки,
Там ослепляет сиянье звезды.
Море раскинется перед глазами,
И увлекут в свои кущи сады.
Грёзы распусятя жёлтой мимозой,
Каплями солнца радушно пленя.
Кожей почувствуешь: счастье возможно
Даже в дыханье холодного дня.

* * *

Керосинная лавка на спуске,
Устремлённом на берег реки.
Рядом ходят скандальные гуси,
Ущипнуть норовят — прочь беги!

Утопают проулки в сирени,
В ноги стелется яблони цвет.
Я сижу на крылечке. Ступени
Высоки. Мне всего-то пять лет.

Тополиные серьги примерив,
Бархатистые, цвета зари,
На асфальте рисую я мелом
Солнце, звёзды, цветы и шары.

Вот с сестрою делю я баранку
И конфеты не прячу в карман.
Я не знаю про жизни изнанку.
Я ещё не встречала обман.

Словно мячик, прыгучее счастье
Укатилось. И только во сне
Удаётся в него возвращаться.
Там все живы. И волосы мне

Заплетает заботливо мама
В яркий радостный день Первомая.

АКАЦИЯ

В прохладном мае утро полно
Невинной детской чистоты.
Деревьев кроны, словно волны,
Качают листья и цветы.

Акация вблизи балкона
Весной цветёт который год.
О красоте её трезвоня,
На зорьке соловей поёт.

Суббота — люди не проснулись,
Отчётлив каждый звук в тиши.
Над лабиринтом сонных улиц
Домов застыли этажи.

Жаль! Всё земное преходяще.
И этот утра нежный свет,
Истому лёгкую дарящий,
Мгновенье — и его уж нет!

Настанет полдень, шумный, душный,
В заботы распахнувший дверь,
Но вечер свет дневной притушит,
И помрачнеет старый сквер.

А там в своей накидке белой,
Не выпачканной темнотой,
Акация невестой смелой
Взойдёт на подиум ночной.

ЖАСМИН

Как трепетны листья нежнейших соцветий
Жасминовых, буйно разросшихся веток!
Потеряна кем-то невесты фата,
Небесно-легка и лилейно-проста.

Цветы опадают, срываются ветром,
На землю ложатся в порыве предсмертном.
Жасминовый куст — белый призрак в ночи,
Порой что-то шепчет и птицей кричит.

И звёзд любопытных глядят мириады
На белый жасмин в тёмной зелени сада.

ЛЕТНЯЯ ПОРОША

Словно в пьесе о любви — много монолога.
Отрекись я от тебя, подожди немного.
Распушились тополя, ветер дует в спину,
Ты уходишь от меня. Горькая картина.

Вот прибило пух дождём, и по всем приметам
Расцвела любовь весной, да завянет летом.
Но пока в траве видна летняя пороша,
Верь, такая я одна, мой родной, хороший!

ЯКОРЬ

Хочешь, поезд умчит снова к морю,
В те места, где колдует прибой,
В край тепла и морского простора,
Где средь пальм мы гуляли с тобой?

Вспомни прошлое, знойное лето
На краю необъятной страны.
Горный берег, лесами одетый,
Полный тайн и легенд старины.

Воздух влажный, пропитанный солью,
Мы вдыхали с тобой про запас,
А друзья приглашали к застолью:
Хлебосольем так славен Кавказ!

Лезли в море в любую погоду:
В лёгкий бриз, в разыгравшийся шторм.
Окативши водой, волны с ходу
Нас пытались топить, а потом

Ты, как якорь, держал меня крепко
И на берег всегда возвращал.
...Так и в жизни, штормящей нередко,
Ты мой якорь, надёжный причал.

ЛИЛИИ

*Серебристые фиалы
Опрокинув в воздух сонный,
Льют лилеи небывалый
Мне напиток благовонный.*

И. Анненский

За окном ликует ветер,
Дождь в моё окно стучит.
На столе букетик светел,
Белоснежен и лучист.
Чаши звёздные соцветий —
Как короны у принцесс.
За окном бушует ветер,
Но в квартире, с ним вразрез,
Утопаю в аромате
Белых девственных цветов...
Приколю цветок на платье —
Вот и мой наряд готов.

СТАРИННЫЕ ВЕЩИ

Лебедем выгнулась спинка у стула,
Выпятил брюхо комод.
А самовар с родословной из Тулы,
Греясь, мурлычет, как кот.

Вот на коврах разливаются зори.
Важности полон сундук.
Он из морёного дуба, с узором,
С поясом медным вокруг.

Вещи впитали и стать, и весомость
Времени, быта людей.
Мастером делались крепко — на совесть,
С хитростью иль без затей.

Были лицом, украшением дома
И создавали уют.
Ну а теперь лишь музеям знакомы,
В фильмах старинных живут.

Где вы, реликвии скромных предместий?
Вас не осталось почти.
Поисчезали со временем вместе —
В стоге иглу не найти.

ПЕСНЯ ВЕТРА

«Песня ветра» на шали моей —
Золотистый узор в красной дымке.
«Песня ветра», мне душу согрей
И укрась меня на фотоснимке.

«Песня ветра» — посадская шаль.
В ней смешались родные мотивы
И персидская пряная даль.
И родимых ветров переливы.

Плат посадский роскошен всегда:
Был в приданом он у Гончаровой,
Жозефина — и та иногда
Щеголяла в подобной обнове.

Все равны перед чудо-платком:
В нём любая крестьянка — царица.
Тем, кто с шалью пока незнаком,
Песня русского ветра лишь снится.

В АРХИВЕ

Архивов пухлые тома
Исписаны старинной вязью
О том, как выросли дома
И путь стальной проложен к Вязьме.

Колоколов певучий стон
Тревожит сквозь туман столетий.
В нём радость и печаль времён
Далёким эхом нам ответят.

Очнутся ото сна они,
Открыв забвения завесу,
И вспыхнут в памяти огни,
В сердцах события воскреснут.

Когда-то наше время здесь
Осядет по архивным полкам,
Скупая маленькая весть
О нас поведает потомкам.

ТРАВА ВОЙНЫ

Вы траву примятую видели?
Неприятель шёл напролом...
В сорок первом поспешно жители
Покидали родимый дом.

Изрешечены сосны пулями,
И воронкам здесь нет числа.
И трава, кровавая, пыльная,
Словно под зиму, полегла.

И муравушка тонкой веточкой
Опускалась в окоп к бойцу,
Мирной жизни далёкой восточкой
Прикасаясь к его лицу.

Ей расти пришлось над могилами,
Над траншеями, надо рвом.
Пробиваться с неженской силою
Рядом с бруствером под Орлом.

Все делила с народом горести.
Боль в траве — страданья земли.
О суровой напомнят повести
Седовласые ковыли.

Сил набравшись, трава примятая
Встанет на ноги, как солдат,
Пред атакой поднявший знамя
За Россию, за павших ребят!

ПЛАЧ НАД ВОЛГОЙ

*На Правой Волге крутые
берега, и было видно, как
спускались с вёдрами по воду
молодые солдатки. Некоторые
из них плакали с причитанием.
Им было всего-то по 17-18 лет.*

Из хроники военной поры

Нас война разлучила надолго.
Проводила на фронт муженька.
Ох, не знала я, матушка Волга,
До чего жизнь солдатки горька!

Чёрной птицей легла похоронка —
Я не верю: любимый живой!
Из чужой и далёкой сторонки
Возврати его, Волга, домой!

Счастье длилось медовый лишь месяц...
День и ночь жду его письмеца!
Неужель никуда мне не деться
От тернового вдовья венца?

Помоги мне, родимая Волга,
Исцели мою боль и тоску.
Буду ждать я и верно, и долго.
Я сумею. Дождусь. Я смогу!

ТЮЛЬПАНЫ ПОБЕДЫ

Тюльпаны пламенеют в руках у ветеранов
На празднике Победы, как отблески войны.
Тюльпаны цвета крови ложатся утром рано
На братские могилы моей родной страны.

Когда была ребёнком, я с мамой навещала
Захороненья эти, несла цветы-огни.
И мама, плача, братьев погибших вспоминала.
В земле чужой, нерусской покоятся они.

Под надписи надгробий могил у тихой речки
Мы густо рассыпали пасхальное пшено.
И эта боль проникла в девчоночье сердечко,
И справиться мне с нею вовек не суждено.

ОФИЦЕРЫ

Державе преданы, присяге
России славные сыны.
Вас ли учить уму, отваге
В минуту страшную войны?

Чтя кодекс офицерской чести,
Клялись не зря во все века:
Быть за народ, с народом вместе
Громить коварного врага.

В лихую, чёрную годину
Вы не измените стране.
Равны и шрамы, и седины
В кровавой сече на войне.

А коль случится испытанье —
Пройдёте сквозь огонь и дым
И возвратитесь с поля брани
Лишь «со щитом», как в древний Рим.

БАНКЕТ

Как в европейском ресторане,
Решётки в венчиках из роз.
И итальянской панорамой
Сияет баннер — длинный холст.

Фуршет. Изысканные блюда.
Креветки. Устрицы. Коньяк.
А гости — из простого люда,
Не голубых кровей, а так...

Тут кто-то выбился в чинуши,
Другой трудом всего достиг.
И стены здесь имеют уши,
На видео здесь каждый миг.

Стоят охранники у стенки.
Прислуги много у господ.
Снимает кто-то в жизни пенки,
А кто-то масло бьёт и бьёт.

Россия. Новая Россия.
Но ты такой уже была.
Тогда нашлась лихая сила
И всё подобное смела.

Вновь разделение в народе
На раболепье и престиж.
И фейерверк на небосводе
Взлетает выше всяких крыш.

НОЧЬЮ В ДОРОГЕ

Дорога вроде взлётной полосы
Размечена, рассвечена огнями.
Мы по шоссе вдоль Волги и Усы
Проносимся замёрзшими полями.
Спустилась ночь: ни звёзд и ни луны,
Не слышно шума встречного движенья.
И облаков угрюмых валуны
Волнуют ужасом воображенье.
Дорога вроде взлётной полосы —
Дорожных знаков светопреставленье,
Где жизнь и скорость ставят на весы,
События, предчувствия, явленья.
От давящей, угрюмой темноты
Несёмся, скорость вновь переключаем,
Быстрее ветра и быстрее мечты,
Пространство, время, вечность рассекаем.

ШМЕЛЬ

Шмель залетел в окно машины,
Толкает стенки и гудит.
Нарушен вмиг порядок чинный.
Зовёт шмеля приволья вид.
Ужасно страшно бедолаге,
Но не сдаётся, бьётся он,
Исполнен воинской отваги,
Не меньше, чем Наполеон.

В мохнатой шубке, неуклюжий.
Ну как такому не помочь!
С прогрессом техники не сдюжит.
Встаю и двери настежь — прочь!
Лети, жужжащее создание,
Герой романсов и стихов.
Твои окончены страдания.
Спеши! Скорее в мир цветов!

АПРЕЛЬСКАЯ ГРОЗА

Внезапно разразился гром...
Затанцевал в волнении
Апрельский дождик под окном
В фонарном оцеплении.
Ах, эта первая гроза,
Апрельская, неожиданная!
Разверзлись хлябью небеса,
Вода благоуханная
По скатам крыш
Спешит к ручьям,
Растут озёрца-лужицы,
Всё здесь и там, всё здесь и там
В апрельском танце кружится.

ВЕСЕННЯЯ ВОЛГА

Вновь люблюсь весеннею Волгой.
Острова затопила вода.
К старой вербе на склоне пологом
Прихожу я в апреле всегда.

Здесь разливу реки нет предела
И безбрежен простор голубой,
Словно Волга обнять захотела
Всю Вселенную вместе со мной.

Я пытаюсь пробраться, где суше,
Но река не пускает меня.
Полонила и тело, и душу.
Не прожить без неё мне и дня.

И сама я как Волги частица.
Нас сроднила волны бирюза.
В этом можно легко убедиться,
Заглянув в наши с нею глаза.

В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

Разрушена гармония реки,
Раздавлена подковами плотин.
Деянья человека велики:
Над лесом и водой он господин.

Закрылся шлюз, растаял вдалеке,
И в русле прежнем движется вода,
Собравши силы, словно бы в броске,
Она минует сёла, города.

Здесь всё как раньше: жёлтые пески
На берегах и отмелях видны;
Высокие, как стражи, тростники
Зелёной ратью встали из воды.

.....
Движок моторки не устал реветь,
Упругий воздух ударяет в грудь,
Ах, до чего же радостно смотреть
На Волгу, завершающую путь!

Любуемся природою вокруг:
Вот вышел на рыбалку пеликан,
Вот, оседлав сухой древесный сук,
Как на посту, окаменел орлан,

И лебедь в ореоле красоты,
Взмахнув крылами, устремился ввысь.
Гарцуя, цапля прячется в кусты.
И лотосы созвездьями зажглись...

А ВОЛГУ СПРОСИЛИ...

И Волга местами бывает подчас мелководной:
Оковы плотин не дают разливаться свободно,
Под власть человека попала река — оробела.
Заилилось дно. Помутнела вода и несмело
Пытается выйти она на большие просторы,
Но снова и снова ей путь преграждают затворы.
И сковано русло речное железобетоном,
И лопасти крутят холодные водные тонны,
Турбина вращается, нам даёт свет, согревает.
Спросите у Волги, чего ей теперь не хватает.
Спросите у рыб, как теперь им, бедняжкам,
живётся.

Невесело в пленной реке отражается солнце
Ленивой оранжевой тучною рыбой метровой...
А славилась Волга когда-то икрой осетровой.
Теперь комариные множатся всюду болота,
Как будто наказана бедная Волга за что-то.

ОСЕНЬЮ НА РЕКЕ

Ты на Волге давно со мной не был —
Весь в заботах, в мирской суете.
Здесь волна прикасается к небу,
И такого нет больше нигде.

Гладь спокойна, чиста и прозрачна.
Россыпь камешков видно на дне.
День любой для прогулки удачен.
Как созвучна волна тишине!

На песке опустевшего пляжа
Отпечатаны наши следы,
И от счастья не верится даже,
Что студёные близятся дни.

Блики волжского солнца — скитальцы
Разгулялись по глянцу реки...
Нежно греешь мне зябкие пальцы
Ты теплом своей сильной руки.

ВОЛГА ЗИМОЙ

Снежным пологом, грудями хлопка
Скрыло Воложку и острова.
По сугробам пролёгшая тропка,
Как морщинка, заметна едва.

Где же, где ж вы, краса и величье,
Прелесть дивная летней поры?..
Лишь угаснувшей вьюги обличье —
Волны снега, как вечность, стары.

День весенний средь скуки смертельной
Сбросит иго мертвящего льда,
И откроется даль — беспредельно,
От тоски не оставив следа.

СЕРЕБРЯНЫЕ САНКИ

Серебряные санки
Искрятся на снегу.
На горку спозаранку
Январским днём бегу.

Скрипят, свистят салазки,
Летят с горы легко.
Мороз сгущает краски.
В сугробах глубоко.

Серебряные санки
На горке ледяной
С лебяжьей осанкой
Любимы детворой.

И прадеды, и деды —
Все знали в санях толк:
С упряжкой лихо едут,
Хоть путь порой далёк.

И, покорив просторы,
Свидетелей разлук,
Ходили снежным морем
Под плач косматых вьюг.

Теперь стальные кони
В почёте. А мне жаль
Исчезнувшие сани
И русскую печаль.

ДОЖДИ ДЕТСТВА

За окном лютует непогода.
Дождь холодный трети сутки льёт.
Съёжился, подставив спину, город.
В пробке время не идёт вперёд.
Капли, словно пузырьки в стакане,
По стеклу оконному снуют.
Яркие узоры лишь на ткани
На портьерной, где цветы цветут.

Смотришь в окна, будто ты заложник:
Ничего не в силах изменить.
Грусть. Воспоминанья сердце гложут
(Тянется их призрачная нить)
О дождях теплейших, серебристых,
С радугой, венчающей простор,
Об атласном блеске мокрых листьев,
О девчонке в платице простом.

Были притягательными лужи,
Хлюпанье сандаликов по ним.
Впечатленья первые о дружбе
В глубине души своей храним.
Запах первых гроз и запах детства
Помню остро через толщу лет,
Детство, ты куда сумело деться?
Потерялось, как с руки браслет.

БАБУШКА ПОЛЯ

— В нашей деревне кого повстречаешь —
Кланяться людям всегда поспеши!

ПОДСОЛНУХИ

Коронованные солнцем,
Конопатые питомцы,
Встали вы за рядом ряд
Ротой солнечных солдат.
Не пробраться между вами,
Удалыми молодцами.
Стенкою, лицо в лицо,
Вы смыкаете кольцо.
Вас любить не перестали
В век прогресса, эру стали.
Золотитесь на полях,
В палисадниках, дворах.
Вы щедры на угощенье.
После вашего цветенья
Мёдом тёмным, как агат,
Лечат взрослых и ребят.
Из бутылки из-под кваса
Лью подсолнечное масло
(Кошелечки-то не туги)
Хоть в блины, хоть в пироги.
Хоть картошечку поджарить...
Как же можно вас не славить?

ЭКСПРЕСС

Голос тепловоза сверил расписание.
Проводница важно поднялась в вагон.
Протянулись рельсы в годы, в расстоянья.
Медленно качнулся за окном перрон.

Лето в стройотряде пронеслось экспрессом,
Проложив по свету множество дорог —
Степью оренбургской, подмосковным лесом.
Всей земли просторы — это ль не урок?..

Полустанков знойных видела немало.
Пыль пустынь аральских, жёлтых речек ил.
Веточки колючек в руки принимала.
По утрам их щедро милый друг дарил.

В мыслях возвращаюсь к тем местам
пустынным,
Солнцем опалённым, с юности родным.
Сумерки сгустились за окном вагонным.
Мчится жизни поезд к станциям иным.

СКАЗКА

Принц гарцевал на коне —
В сказке красивой остался.
Принц был со мной по весне,
К осени вдруг потерялся.

В сказке тропинки круты —
В сказке зловещи приметы.
Принц дорогой! Где же ты?
Эхо не даст мне ответа.

Путь невозможен назад —
Только в студёную воду.
Райский окончился сад,
Лучше с разбегу и с ходу...

ХРУСТАЛЬНЫЕ ЗАМКИ

Были замки хрустальные.
Раскололись нежданно.
Думы давят печальные
О прошедшем. А надо ли?

Грусти облако белое
Скрыло солнце и радугу.
Жизнь, как яблоко спелое,
Вдруг разрезали надвое.

Половина потеряна,
Что с тобой было связано.
Я страдать не намерена,
Я к тебе не привязана.

По любви недосказанной,
Что стремилась быть разной,
И тобою наказанной
Всласть поминки отпраздную.

СКАЗОЧНЫЙ МОСТ

Я построила сказочный мост.
Для тебя его строила, милый!
С виду он и воздушен, и прост,
Но наполнен былинною силой.

От чего же по коже мороз?
По мосту ты идёшь осторожно.
А меня всё терзает вопрос:
Отчего так на сердце тревожно?

Ты не веришь ни мне, ни себе.
Впрочем мне ничего и не надо.
Лишь бы мост в нашей общей судьбе
Над землёю парил и не падал.

* * *

Ничего не говори! Так надо.
Постараюсь всё понять без слов.
Я, бесспорно, не твоя услада
И не претендую на любовь.

Я уставшая в полёте птица,
Приручить её никто не смог.
Даже если б ты хотел влюбиться,
От любви крылатой изнемог!

Уж такое выпало нам время:
Каждая минута как ожог.
И Пегаса золотое стремя
Раскалилось от былых тревог.

* * *

С безумием прежних страстей,
Порой неподвластных и Богу,
Покончу без лишних затей,
Забуду печаль и тревогу.

Впитаю в себя лунный свет,
Спокойный, холодный, свободный.
Листочки осенних монет
Блестят на поверхности водной.

Листочки опавших надежд
Окрашены золотом лунным:
С упорством счастливых невежд
Мне в пору завидовать юным.

У них ещё всё впереди.
Пусть жизнь их ломает и учит!
Покажет им к счастью пути,
Как ласковый солнечный лучик.

* * *

Дни становятся денег дороже,
Драгоценней алмазов и грёз.
Стала я и серьёзней, и строже,
И нежней лепестков алых роз.

Думы добрые в душу вбираю,
Словно в амфоре, в сердце храню
И в дорогу, ведущую к раю,
Я возьму их, подобных огню.

Донесу ль, не разбив их? Не знаю.
Ангел мой, сохрани, помоги!
Каменистою тропкой шагаю
Вдоль течения быстрой реки.

СЕРДЦЕ МОЁ

Сердце моё, притомилось немного?
Так не спеши, отдохни!
Были нелёгкими наши дороги.
Были горячими дни.

Сердце моё, ты внушить мне старалось
В ходе событий лихих:
В жизни, себе забирая лишь малость,
Всё отдавай для других.

Щедрое сердце, мятежное сердце,
Что же поделаешь с ним?
Милое сердце, а знаешь ли средство
Быть до конца молодым?

* * *

Моих стихов затейливая вязь
Дорогой заповедною вилась

Под сполохи сверкающих зарниц,
Под звон колоколов и пенье птиц,

Под шелест трав, колосьев разговор.
Впитала неба голубой простор,

Нездешний отсвет речек и озёр,
Лесов Руси заманчивый узор.

Меж мной и миром накрепко сплелась
Моих стихов затейливая вязь.

МОЯ ДУША

От слёз промокнувшую душу
На солнце греться положу.
— Живи, душа! И небо слушай! —
Озябшей душеньке скажу.

Ты беззащитна, утончённа
И без забрала, без щитов.
Хоть и была порой пленённой,
Ну а рабыней — ни за что!

Душа, тебе замены нету!
Жаль, я тебя не берегла.
Бродила ты со мной по свету
И вдохновляла, как могла.

Моя душа, гори, не гасни,
Свети мне в полуночной мгле!
И не один мы встретим праздник
На грешной, но родной земле.

ГАДАНИЕ НА КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ

Гречанка Анжела на кофе гадала:
Рисунком на блюде осадок разлит.
Гречанка Анжела сказала немало,
О чём моё сердце ночами болит.

Боясь откровений, в душе своей прячем
Сомнений, обид и житейщины сор.
Становится чуткое сердце незрячим.
Так было и раньше со мной до тех пор,

Пока мне гречанка Анжела не вскрыла
Нарыв потаённый на сердце моём.
И кровь закипела с удвоенной силой,
И сердце омыла забытым огнём.

Гадалку о будущем я не спросила.
Зачем волноваться, что будет потом?
Анжела обиды прощать научила,
На зло отвечать научила добром,

Парить в облаках и сливаться с рассветом,
И звёздочкой яркой над миром светить.
Зимой не забыть бы мне вспомнить о лете
И руку гадалке той позолотить.

ЗАГАДКА ЖИЗНИ

Я пришла из ниоткуда,
И уйду я в никуда.
Смерть, рождение есть чудо.
Жизнь погаснет, как звезда.
Катит Волга мерно воды,
Начинаясь с родника.
И несутся быстро годы
Сквозь эпохи и века.
Вечной жизни проблеск краткий,
Миг палящий, ледяной.
Тщетно мучаюсь загадкой:
Кто есть я, и что со мной?

СЛАВЯНКА

Бывает зависть белая.
Бывает зависть чёрная.
Была девчонка смелая.
Теперь — жена покорная.

Бывала дамой светскою,
Студенткою советскою,
Подругой привлекательной
И мамой замечательной.

Была в шитье искусница,
В молитве — как послушница.
Готовить мастерица.
В нарядах — как царица.

С рожденья — христианка,
Природная славянка.
Волжанка и блондинка
По имени Галинка.

* * *

Всё спешу... А надо ль торопиться?
Мой закат ещё не заалел.
Утекает время, как водица.
Мне успеть бы сделать столько дел.

В роднике лесном воды напиться.
Резвость вновь девичью обрести.
Словно в детстве, миру удивиться
И кому-то радость принести.

Быть мудрей, терпимее, гуманней.
Первым снегом таять на губах
И на крыльях призрачных желаний
Побывать в неведомых мирах.

Лёгкой тенью быть, во мраке — светом,
Путь найти, когда вокруг ни зги.
Всё смогу, успею, но при этом
Гончим псом ты, время, не беги!

ОТ СУЕТЫ ЗЕМНОЙ

От суеты земной устав,
Хочу пожить в лесу дремучем,
Чтоб вкус смолистый на устах
Да золото стволов могучих,
Их сени тень, под стать ветрам,
Окутает меня, как шёлком,
Подобно лёгким парусам,
Скользя по голенастым ёлкам.
Здесь вечна жизнь, здесь день — янтарь.
Пьянит густым настоем хвои,
Хранит природы календарь
В янтарных слёзах всё живое.

СОКРОВИЩА ПОЭЗИИ

Стучится ветками в окно,
Шаманит ночь осенняя.
Все люди спят давным-давно,
А я читаю гениев
Многостраничные тома —
Сокровища поэзии.
Здесь жизнь и смерть, и свет, и тьма —
Всё, чем поэты грезили.
Быть с ними на одной волне
Душа моя старается.
Парить в бездонной вышине,
Вчитавшись, получается.
Услышать птиц ночных полёт,
Течение речки бурное,
Весной ломающее лёд.
Под глубиной лазурною
Вдохнуть черёмуховый цвет
С порывом ветра буйного
И, встретив маковый рассвет,
Подняться ввысь над буднями.
Огонь негаснувший свечи
Увидеть чрез столетия
И как несут весну грачи
Тысячелетья третьего.

ПОЛНОЛУНИЕ

Опять шальное полнолуние
Мутит рассудок, кровь пьянит,
Восторг вселяет и безумие,
Раздоры сеет и кипит
В сердцах бессонных ночью звёздною.
То, прикрываясь тишиной,
Бредёт просёлочными вёрстами
И реактивную стрелой
Летит, уводит в мир космический,
Астрологический, иной...
И вновь с усмешкою скептической
Сближает новь со стариной.

* * *

В предутренней тиши стучат часы сильнее.
Их гулок и размерен ход.
И всё стремительней, решительней, полнее
И круче дня водоворот.

Ночное таинство неспешно исчезает,
И даль обозначается светла.
Спросонок солнца луч стрелу вонзает
В ладонь оконного стекла.

ВОСХОДЫ СОЛНЦА

Забрезжил свет на небосводе —
На бледном сумраке холста.
Восходы, волжские восходы
(В них первозданна чистота).

Их красота достойна оды.
С уст исчезает немота,
И строчек проступают всходы
На пашне белого листа.

И оставляя за плечами
Туман забот и срочных дел,
Я просыпаюсь со словами:
— Ну, здравствуй, светлый волжский день!

С непобедимым постоянством
Жизнь наступает не спеша,
И пробуждается пространство,
И раскрывается душа.

МУЗА

Муза оказалась за порогом.
Я сама сказала: «Уходи!»
Пребывая в чопорности строгой,
Я теперь бездарно трачу дни.

Помнишь, Муза, как легко владела
Ты моей восторженной душой?
Я с тобой на этот мир глядела.
Без тебя он стал совсем чужой.

Неуютно, мрачно и постыло.
Дождь осенний, колкий по стеклу.
Занавеской серой и унылой
Застит свет, вселяет в сердце мглу.

Что имею — не храню и плачу.
Но опять всю ночь свеча в окне.
Нет, не получилось жить иначе.
Муза! Я прошу: вернись ко мне!

* * *

Облетающих листьев остатки
Разгоняет задиристый ветер.
Серый дождик с осенней повадкой
Растянул над землёй свои сети.
Листья жёлтые, словно заплатки,
На асфальте мечтают о лете.
Всё вокруг ненадёжно и шатко.
Дни уходят с осенней листвою.
И стихов пожелтела тетрадка,
А когда-то была голубою.

ГАДАНИЕ

Здравствуй, чародейка-осень!
Карты пораскинь.
Пусть подскажет неба просишь:
В сердце жар иль стынь?
Выбелит мне душу иней,
Зной ли опалит?
В очаге, погасшем ныне,
Что-то возгорит?..

Кто предстанет на пороге —
Друг мой или враг?
Окажусь ли на дороге
У Злачёных врат?
Дом казённый будет скоро?
Чей-то интерес
Или «доброхотов» свора?
Иль сомнений лес?

Отвечала тихо осень:
— Скоро уж зима.
Ей задай свои вопросы!
Впрочем и сама
Ты на них ответы знаешь:
Дар предвидеть есть,
И любому погадаешь.
Каждому свой крест
Выпадает при рожденье.
И неси его!
Ну а жизнь — всегда движение,
Больше — ничего!

* * *

Ноябрь — тяжёлый месяц, говорят.
Сулит нам нескончаемую зиму.
И ничему никто уже не рад,
Не до стихов — играю пантомиму.

Куда-то подевались все слова.
И чужда я движению и бегу.
Цветком увядшим сникла голова,
И жизнь скрипит несмазанной телегой.

И отгулял на волюшке медведь,
И отскрипели в поле коростели,
И ведьмы отшабашили, и впредь
На метлах за три моря улетели.

Нас утешает только Новый год
Со снегом белым, сказками, мечтами,
Где ёлок подвенечный хоровод
Не греет сердце яркими огнями.

* * *

Серый город мечтает о снеге.
Стало в городе больше пустот.
Листья носятся, как печенег,
Агрессивно у наших ворот.

На аллеях старинного парка
Рыжей осени вижу следы.
Вспомню лето, сгоревшее жарко,
И фонтан с фейерверком воды.

В окружении мрачного неба
С грозной стражею из облаков
До безумия хочется снега.
Он уже снизойти к нам готов.

Пусть достигнет желанной свободы,
Ляжет мягко на плечи, родной,
Пусть растает от тёплой погоды
И вернётся на небо слезой.

СНЕГ В НОЯБРЕ

Стало светло в ноябре,
Чисто от первого снега.
В улочках и во дворе
Царствует белая нега.

Бедствием стал для машин,
Выбелил двери и ниши.
Лёг в обрамленье витрин,
Сделал скамейки повыше.

Ай да затейник снежок!
Словно на белой бумаге,
Виден фонарный рожок.
Чёрные рельсы в овраге.

Не дожидаясь пурги,
Всех нас поставил на лыжи.
Топки пути, глубоки:
Снега — по самые крыши!

* * *

С каждым днём всё рельефней морщины,
Словно тени на белом снегу.
Но для грусти нет веской причины:
Всё смогу я и превозмогу!

Буду к цели спешить окрылённо,
Спрятав чувства свои под замок.
Буду птицей в пространстве бездонном
Отдыхать от вседневных тревог.

Не дано изменить нам былое.
Мы в былом оставляем себя.
Воссияй на святом аналое,
Слово Русское — жизнь и судьба.

НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

Ступени, словно бы года,
Ведут к порогу,
Иду по ним не без труда.
Поближе к Богу.
Живу на пятом этаже,
В обнимку с небом.
Смотрю на птичьи виражи.
Балую хлебом
Десяток сизых голубей,
А по карнизу
Крадётся тихо кот-злодей
С мечтой о призе.
Лист неба за моим окном
Лежит воочью.
И птицы в небе голубом —
Как многоточье.
Моя крылатая душа
Трепещет птицей,
Устои прежние круша,
Взлететь стремится!

* * *

Архангелы, поднявшие меня
Над суетной и грешною землёю,
Развевавшие мрак, туманность дня,
Ведут меня к душевному покою.
Прошедшее не стоит возвращать:
Всему удел свой, и обыкновенно
Лишь в мыслях можем двигаться мы вспять,
Задумываясь, всё ли сделал верно?
Ты ничего не в силах изменить,
Былого календарь в ночи листая,
Любуешься на старую финифть,
И эта роспись мастерски простая
Откроется с неожиданной стороны,
Покажет замысел необычайный.
И даже будни таинства полны,
И всё-то в этом мире неслучайно.

* * *

Поздно любить тебя. Поздно.
Поздно о счастье мечтать.
Небо полночное звёздно.
В лунном сиянье кровать.

Даже сквозь приступ неверья
Ты моя крепость, мой дом.
Только тебе можно верить —
Поздно о том узнаём.

У изголовья иконы.
Грешнице быть ли в раю?
Слышу Пасхальные звоны
В милом для сердца краю.

Звоны зовут помолиться,
Думать о вечном зовут.
Мне б в монастырь удалиться.
Поздно: туда не возьмут.

Что остаётся? Не знаю.
Только в одном повезло:
Рифм голубиную стаю
Ставить в стихах на крыло.

ГРУСТЬ ОСЕННЯЯ

С годами крепче грусть осенняя.
С годами многое грустней.
А мы с годами откровеннее:
Нам остаётся меньше дней
Перед коварными морозами,
Перед холодной зимой.
И жизнь всё чаще давит прозою,
Грозит всё чаще немотой.
Ах, осень, осень-раскрасавица,
Твоя не вечна красота!
Печально ливнями смывается.
И ты не та, и я не та.
Не обладая долголетием,
Себе по-прежнему верна,
Поэтам подарив бессмертие,
Их позлащаешь имена.
И проходя тропинкой болдинской
Между трепещущих осин,
Осознаёшь, что счастья большего
Нам и не надо до седины!
И сделан выбор мной и осенью,
И крепче наша с нею связь,
Пусть прорастающею озимью
Словесная восходит вязь.
Под жёлто-рыжими метелями,
Под ветра заунывный плач
На пашне у пригорка с елями,
Где важно ходит чёрный грач.

* * *

Мы надеемся на хорошее,
Даже если грохочет гром
И за тучами звёздное крошево,
И все двери открыты в дом.

Всё ж надеемся стать счастливыми.
Счастье, словно солнечный круг,
За снегами и летними ливнями
Лишь однажды восходит вдруг.

Мы надеемся быть любимыми,
Звать единственного родным.
Вечерами глухими зимними
Свет апрельский в душе храним.

* * *

Где-то есть павлин,
Где-то — райский сад.
А у нас полынь
Да вороний гвалт.

Только небо нам
Всем одно дано.
Небо словно храм.
Вечно лишь оно.

Как десятки рамп —
Звёздочки в ночи.
Здесь бессилён ямб —
Лучше помолчим.

* * *

Легковерной не буду, беспечной.
Пережив, позабуду про всё!
Пусть порадует звёздная млечность,
Пусть порадует строчка Басё.

Равнодушно прожорливый город
Поглощает и стоны, и смех.
Поднимаю от сырости ворот,
Зябко кутаясь в ласковый мех.

Отогреть бы озябшую душу,
Не сгубить бы её на корню.
Твой высокий покой не нарушу.
Отстранённость в лице сохраню.

Обретая нездешнюю нежность,
О тебе загрущу иногда.
Но не буду такою, как прежде.
Никогда. Никогда. Никогда!

* * *

Лягушачьим он звался в народе,
Этот сад — нет такого нигде!
А вдали проплывал пароходик
Белым лебедем в синей воде.
Змейкой вился дымок над рекою.
И вращалось, скрипя, колесо.
Тихой грустью, речною тоскою
Опускался туман, невесом.
В слёзной влажности тихого сада,
Под шатром из акаций и ив,
Находили, бывало, усладу
Все, кто молод, любим и красив.
Сад хранит тайны многих влюблённых,
Чей потерян в столетиях след.
По заросшим тропинкам на склонах
Одинокий блуждает рассвет.
Он ступает — и сад обречённо
Доживает отпущенный срок.
Но весною в побегах зелёных
Вновь взиграет живительный сок.

* * *

Мужчина с цветами —
Такое возможно?
Мужчина с цветами
Идёт осторожно.

К груди прижимает
Букетик легонько,
Соцветия мая
Искрятся под плёнкой.

Мужчины, с цветами
Почаще ходите.
Мужчины с цветами,
Весну нам дарите.

И — властвуйте нами,
Ведь мы в вашей власти.
Мужчины с цветами —
Предвестники счастья.

ОСЕНЬ

Сумасбродна рыжая кокетка.
Посмотрите осени в глаза:
Тучки закрывают их нередко,
Между тучек стынет бирюза.

Осень — моя давняя подружка.
Мы с тобой палитру распахнём.
Осень, я шепну тебе на ушко
О романе с проливным дождём.

Нарисуем дальнюю дорогу,
Золотой каёмкою — леса.
Оттого мы и грустим немного,
Что любовь уходит в небеса.

Тихое природы увяданье.
Нам ладонь протянет юный клён
И уронит грустное признание,
Что весною был в весну влюблён.

НАЛЕЙКА

Среди леса разъезд-полустанок.
Поезд лязгнул. А долго ль стоять?
И разносится здесь спозаранок
За окошком: «Тудыть твою мать!»

Ставни плотно закрыты: жарища!
За сиренью скрывается дом,
Сад, заросший крапивой и вишней,
Палисад с цветником под окном.

Голубые дощечки-скамейки.
Здесь бы только рассветы встречать.
Над платформою — надпись «Налейка».
Это станцию так величать.

Знаменита Налейка грибами.
Кузоватово рядом село.
А грибки хорошо остограммить.
Не отсюда ль название пошло?

* * *

Маленькая девочка Ассоль
Так близка мне силой веры в чудо.
На траве, обрызганной росой,
Дождаться свой кораблик буду.
Мой корабль не нов, и паруса
Обветшали под напором бури.
Всматриваюсь вдаль во все глаза:
В утренней сияющей лазури
Неужели парусник плывёт?
Небольшой, но лёгкий и воздушный?..
Проступил отчётливо средь вод
Сине-перламутровых, жемчужных.
Отчего ж плывёт он не ко мне,
А всё дальше уплывает в море...
Набегающей сродни волне
Разочарование — не горе.
В этом горе я не утону,
Снова подарю себя надежде...
Снова слёзы со щеки смахну
И на берег выбегу, как прежде.

* * *

Нагадай мне, цыганка, удачу,
Все грехи я сполна оплачу.
А потом, как дурёха, расплачусь,
Что, как все, быть любимой хочу.

Предреки счастье, радости детям,
Чтобы жили в достатке, в ладу.
И тогда через все на планете
Испытання достойно пройду.

Не пророчь мне поступка дурного,
Чтобы совесть осталась чиста,
Чтобы глупого слова пустого
Никогда не сронили уста.

* * *

Вас обойду сторонкой,
Не поднимая глаз,
Смущаясь, как девчонка,
Уже в который раз.

Расправлю плечи гордо,
Походкой от бедра
Пройду назло невгодам —
Не сломлена, бодра.

Ещё одно мгновенье,
И вот — дверной проём...
Исчезну, как виденье.
Попомните о нём!

— Ну, кто о прошлом плачет? —
Самой себе солгу.
Но, так или иначе,
Забыть вас не смогу.

* * *

Я как раненая птица:
Сбили на лету,
Но душа ещё томится
В золотом бреду.

Я пыталась осторожно
В небесах витать,
А внизу чужие копыта
И чужая рать.

На земле не жду пощады —
Отблагодарю
Зелень лета, буйство сада,
Новых дней зарю.

* * *

Тихая Крымза. Близки берега
В зарослях ивы.
Змейкою Крымза минует луга,
Сёла и нивы.

За поворотом ныряет под мост.
Плещет игриво.
Замер в восторге прибрежный откос:
Ах, как красива!

Вольные воды Сызранка-река
Вмиг подхватила.
Движется к Волге издалека
Свежая сила.

И, устремляясь в простор голубой
С балок, оврагов,
Станет могучею русской рекой
Скромная влага.

* * *

Запах антоновских яблок
Русскою классикой веет.
Жизни усталый огарок
Над безысходностью тлеет.

Мир суеты и обмана
Вновь под себя прогибает.
Помыслов чистых так мало.
Времени всем не хватает.

Мне бы в тайгу вековую,
К речке холодной склониться,
Чистой водицы напиться,
Чистой душой возродиться.

* * *

Мне от птиц досталось имя
И желание летать,
Пыль дорог — от пилигримов.
Мне и Волга — словно мать,

В волнах ласково купала,
Чтобы я красивой стала,
Чтоб была моя мечта
Неизбывна и чиста!

РАЗГОВОР С КУКУШКОЙ

Не кричи одиноко, кукушка!
Всё я знала на бабьем веку.
Я на светлую вышла опушку.
Ну а ты всё «ку-ку» да «ку-ку».

Подружилась бы лучше с синицей —
У неё поучилась уму;
Желтогрудая малая птица
Поджигает моря, гасит тьму.

И птенцов не бросает, и в стужу
Выживает, как русский народ,
И бесцельно над прошлым не тужит.
Для неё и рябина как мёд.

Пусть замёрзшая, с лёгкой горчинкой,
Но как радость грядущего дня...
Вот и речка видна за тропинкой.
Там давно ожидают меня.

* * *

То ли небо упало на землю,
То ль земля прямо в небо плывёт.
Расхождений таких не приемлю.
Горизонт землю к небу пришьёт.

Ты как небо, а я словно суша,
Что веками рвалась в небеса
И, черту горизонта нарушив,
Обрела наконец паруса

Облаков, что в сиянии света
Ослепляли средь майского дня.
Чтоб когда-то зачем-то и где-то
Неизбежно ты встретил меня.

* * *

Свет ослепительно чистый
Солнце осеннее льёт,
А над горой каменистой
Клин журавлиный плывёт.

Сброшены пёстрые шали
С веток берёз и осин,
И на пустынном причале
Бродит лишь ветер один.

Высохли летние травы.
И приуныла ветла.
И потемнели дубравы,
Где я счастливой была.

Содержание

<i>Диана Кан. Не сдаваться «изнанке» повседневности</i>	<i>3</i>
«В словах есть горечь от потерь...» 7	«С безумием прежних страстей...» 54
Арабески 8	«Дни становятся денег дороже...» 55
Вольница 10	Сердце моё..... 56
Засечная черта 11	«Моих стихов затейливая вязь...» 57
Спасская башня Сызранского	Моя душа..... 58
Кремля 12	Гадание на кофейной гуще..... 59
Мой город 14	Загадка жизни..... 60
Свято-Троицкий источник 16	Славянка 61
На посещение выставки икон	«Всё спешу... А надо ль
Свято-Вознесенского	торопиться?...» 62
монастыря 17	От суеты земной 63
Умягчение сердец 18	Сокровища поэзии..... 64
Ожидание чуда 19	Полнолуние 65
Богоявление 20	«В предутренней тиши стучат часы
Первое февраля 21	сильнее...»..... 66
«Северный ветер подул с новой	Восходы солнца..... 67
силой...» 22	Муза 68
«Керосинная лавка на спуске...» 23	«Облетающих листьев остатки...» 69
Акация 24	Гадание 70
Жасмин 25	«Ноябрь — тяжёлый месяц,
Летняя пороша 26	говорят...» 71
Якорь..... 27	«Серый город мечтает о снеге...» 72
Лилии 28	Снег в ноябре 73
Старинные вещи 29	«С каждым днём всё рельефней
Песня ветра..... 30	морщины...» 74
В архиве..... 31	На пятом этаже 75
Трава войны..... 32	«Архангелы, поднявшие меня...» 76
Плач над Волгой 33	«Поздно любить тебя. Поздно...» 77
Тюльпаны победы..... 34	Грусть осенняя 78
Офицеры 35	«Мы надеемся на хорошее...» 79
Банкет 36	«Где-то есть павлин...» 80
Ночью в дороге 37	«Легковерной не буду,
Шмель 38	беспечной...» 81
Апрельская гроза..... 39	«Лягушачьим он звался в
Весенняя Волга 40	народе...» 82
В дельте Волги 41	«Мужчина с цветами...» 83
А Волгу спросили... 42	Осень 84
Осенью на реке 43	Налейка 85
Волга зимой 44	«Маленькая девочка Ассоль...» 86
Серебряные санки 45	«Нагадай мне, цыганка, удачу...» 87
Дожди детства 46	«Вас обойду стороной...» 88
Бабушка Поля..... 47	«Я как раненая птица...» 89
Подсолнухи 48	«Тихая Крымза. Близки берега...» 90
Экспресс 49	«Запах антоновских яблок...» 91
Сказка 50	«Мне от птиц досталось имя...» 92
Хрустальные замки 51	Разговор с кукушкой..... 93
Сказочный мост 52	«То ли небо упало на землю...» 94
«Ничего не говори! Так надо...» 53	«Свет ослепительно чистый...» 95

Литературно-художественное издание

Галина Александровна Елисеева

РУССКИЕ АРАБЕСКИ

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

***Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину***

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

*Автор благодарит за участие в подготовке книги
Диану Елисеевну Кан, Олега Алексеевича Портнягина,*

***Ольгу Александровну Елисееву,
Сергея Ульянова (фото на обложке).***

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 20.04.2015. Формат издания 84х108/₃₂.

Объём 5,04 печ.л. Гарнитура Excelsior Cyrillic .

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru